

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.85

ББК 63.3(2)

К вопросу о взглядах А.С. Пушкина на восстание в Польше 1830–1831 гг.

М.А. Широкова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

On the Question of the Views of A.S. Pushkin on the Insurrection in Poland in 1830–1831

M.A. Shirokova

Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье рассматриваются политические идеи, выраженные А.С. Пушкиным прежде всего в стихотворении «Клеветникам России», а также в личной переписке и заметках периода польского восстания 1830–1831 гг. Дан обзор предыстории и предпосылок восстания, показан исторический контекст, обусловивший формирование взглядов поэта по «польскому вопросу». На мировоззрение Пушкина оказала влияние «История Государства Российского» Н.М. Карамзина, в частности, сюжет об оккупации Москвы польскими войсками в 1610–1612 гг. Кроме того, поэт, как и его современники, сохранил непосредственные впечатления об Отечественной войне 1812 г., в которой поляки участвовали на стороне Наполеона. Ода «Клеветникам России» являлась ответом Пушкина членам французского парламента, ставившим вопрос о поддержке поляков. Для французских либералов события в Польше имели международное значение и характеризовались как борьба одной из формирующихся европейских наций за права и свободы. Для Пушкина же польский бунт являлся исключительно внутренним делом России, посягательством на ее целостность. В статье приведены высказывания некоторых представителей русской культуры, входивших в круг общения Пушкина, среди которых были как сторонники, так и противники государственно-патриотической позиции поэта.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, русская культура, русское искусство, национальное самосознание, патриотизм, история политической мысли.

The article deals with the political ideas expressed by A.S. Pushkin, first of all, in the poem "To the Slanderers of Russia", as well as in personal correspondence and notes from the period of the Polish insurrection of 1830–1831. An overview of the prehistory and prerequisites for the insurrection is given, the historical context is shown, which determined the formation of the poet's views on the "Polish question". Pushkin's worldview was influenced by the "History of the Russian State" by N.M. Karamzin and, in particular, the story about the occupation of Moscow by Polish troops in 1610–1612. In addition, the poet, like his contemporaries, retained direct impressions of the Patriotic War of 1812, in which the Poles participated on the side of Napoleon. The ode to "Slanderers of Russia" was Pushkin's answer to members of the French Parliament, who raised the issue of supporting the Poles. For the French liberals, the events in Poland were of international significance and were characterized as the struggle of one of the emerging European nations for rights and freedoms. For Pushkin, the Polish rebellion was exclusively an internal affair of Russia, an encroachment on its integrity. The article presents the statements of some representatives of Russian culture who were part of Pushkin's circle of friends, among whom were both supporters and opponents of the state-patriotic position of the poet.

Key words: A.S. Pushkin, Russian culture, Russian art, national identity, patriotism, history of political thought.

DOI: 10.14258/izvasu(2022)5-01

События польского восстания 1830–1831 гг. подтолкнули А.С. Пушкина к написанию оды «Клеветникам России». Эти стихи «по силе вдохновения, по металлической выразительности ритма», как считает биограф поэта А.В. Тыркова-Вильямс, напоминают вольнолюбивые стихи его юности, в частности оду «Вольность», «но в них пафос патриотический, не либеральный» [1]. Споры о политической роли этого стихотворения, о политических и личных мотивах автора при его создании не прекращаются со времени выхода стихов до наших дней. В интернет-пространстве возникло и продолжает формироваться множество научных, художественных, публицистических площадок, где происходит активное обсуждение «Клеветникам России». В исследовательской литературе последних лет также наблюдается устойчивый интерес к идеям, выраженным Пушкиным в упомянутом стихотворении, к литературной репутации поэта конца 1820-х — начала 1830-х гг. и к причинам, побудившим его опубликовать эти стихи, невзирая на возможные репутационные издержки.

Цель исследования, предпринятого в данной статье, — выявить особенности политических взглядов А.С. Пушкина, относящихся к оценке польского восстания 1830–1831 гг. и нашедших отражение в стихотворении «Клеветникам России», а также в личной переписке и заметках поэта.

Методологической основой нашего исследования послужил цивилизационный подход к общественному развитию, который позволяет подчеркнуть специфику отечественной цивилизации и культуры, оказавшую влияние на представления А.С. Пушкина о ходе российской истории и о роли и месте России в мире. Кроме того, использован конкретно-исторический подход, в соответствии с которым необходимо учитывать исторический контекст формирования политической позиции поэта, в частности, по вопросу событий польского восстания 1830–1831 гг. Автором статьи применялись метод реконструкции, дающий возможность воссоздать политические взгляды Пушкина и его современников на основе фрагментарных сведений, содержащихся в художественных произведениях и источниках личного происхождения, а также герменевтический метод и метод сравнительного анализа источников и исследовательской литературы.

Историография проблемы весьма обширна, поскольку пушкинистика в России и в мире уже достаточно давно оформилась как самостоятельное научное направление. Но если говорить отдельно об интерпретации стихотворения «Клеветникам России» и выраженного в нем политического кредо, то в конце XIX — начале XX в. внимание данному сюжету уделяли, в частности, П.В. Анненков, А.Н. Пыпин, П.Е. Щеголев [2–4]. В советское время на тему отношения Пушкина

к польским событиям высказывались ученые, чьи сочинения считаются фундаментальными в пушкиноведении — Б.В. Томашевский, Д.Д. Благой, Ю.М. Лотман [5–7]. Стремление показать особенности восприятия творчества Пушкина разными категориями читающей «публики» 1830-х гг., составить «портрет поколения» и тем самым «восстановить ту общественную атмосферу, что окружала поэта», наблюдается в работе Н.Я. Эйдельмана [8, с. 304]. Зарубежная пушкинистика стала заметным явлением науки и культуры начиная с 1920-х гг., главным образом благодаря деятелям русской послереволюционной эмиграции. Хотя следует оговориться: их труды по уровню и методам научного анализа оказались в целом слабее исследований о поэте, выехавших в советской России. Причиной является недоступность для авторов-эмигрантов архивных материалов и рукописей, оставшихся на родине, а также их оторванность от живого развития русского языка. Тем не менее интерес эмигрантской литературы к Пушкину всегда был чрезвычайно высок. В контексте интересующей нас темы отметим работы А.В. Тырковой-Вильямс, В.А. Францева, С.Л. Франка [1, 9, 10]. Что же касается непосредственно иностранных специалистов-пушкиноведов, то они в еще большей мере сталкивались с упомянутыми выше трудностями. Авторы обобщающих монографий о Пушкине В. Сечкарев (ФРГ), В. Викери (США), Д. Бейли (Великобритания) [11–13] сравнительно мало внимания уделяли политическим взглядам Пушкина, констатируя, в целом, их консервативный характер, и преувеличивали зависимость русского национального поэта от западноевропейских литературных влияний. Особого внимания для нас заслуживает польская пушкинистика, истоки которой восходят еще к Адаму Мицкевичу. Примечательно, что впоследствии среди пропагандистов наследия русского поэта в Польше оказались участники обоих восстаний (1831 и 1863 гг.), о чем свидетельствует фундаментальный труд М. Топоровского [14].

Обращаясь к современному состоянию разработности проблемы в России, следует назвать работы сотрудников отдела пушкиноведения Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) М.Н. Виролайнен и О.С. Муравьевой [15–17]. Кроме того, представляют интерес исследования Г.С. Зобина, А.Л. Зорина, Н.Н. Краюшкиной, В.В. Орехова, В.Н. Шульгина [18–22]. Отдельно упомянем историков Санкт-Петербургского государственного университета М.С. и А.С. Белоусовых, предложивших оригинальное толкование оды «Клеветникам России» с использованием новых исследовательских приемов, в последние годы называемых «лингвистическим поворотом» [23].

Актуальность оды, как и еще нескольких стихотворений, написанных поэтом в конце 1820-х —

начале 1830-х гг., обусловлена никогда не теряющей своей остроты и весьма интенсивно обсуждаемой в современной России проблемой патриотизма как ценности национального самосознания, а также понимания данной ценности представителями различных общественных групп и идейно-политических течений. На наш взгляд, справедливо отмечает В.В. Орехов: «Пушкинское стихотворение носит не просто лозунговый характер, выражающий накал патриотического пафоса в обществе, но представляет собой некую историческую концепцию, в которую «вписаны» актуальные политические события» [21, с. 70].

В пушкинскую эпоху образованное общество стало проявлять все больший интерес к своей истории. Прежде всего — благодаря знаменитой «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина, под впечатлением которой находился и сам поэт. Некоторые исследователи, в частности В.Н. Шульгин, полагают, что Пушкин выступил прямым преемником Карамзина не только в деле исторических изысканий, но и в методологических и ценностных основах своего историко-политического мировоззрения. Более того, по мнению Шульгина, «Пушкин перебрасывал мост от Карамзина к славянофилам, став ключевой фигурой русского духа в его поступательном развитии» [22, с. 18]. Здесь исследователь мыслит в парадигме, заложенной еще Ф.М. Достоевским, который на страницах черновика своей знаменитой речи о Пушкине не удержался от того, чтобы назвать поэта «главой славянофилов» [21, с. 70]. Впрочем, из окончательного варианта текста Достоевский, сам тяготеющий к славянофильству, это утверждение исключил. Однако можно вспомнить, что С.Л. Франк в статье «Пушкин об отношениях между Россией и Европой» писал: «По своему непосредственному устремлению, по своим оценкам Пушкин, несомненно, был "западником"» [25, с. 453]. Таким образом, стремление отнести великого поэта к одному из противоборствующих «лагерей» существовало всегда и продолжает оставаться актуальным фактором идеологической полемики. Нам представляется, что в творчестве Пушкина заложены основы национального самосознания как целостного идейного комплекса, различные аспекты которого впоследствии будут разрабатываться представителями как славянофильства, так и западничества.

Идеи панславизма, образования всеславянского государства или славянской федерации, характерные для некоторых славянофилов, а также, например, для историка М.П. Погодина, ставшего одним из создателей официально-государственной идеологии «Православия, Самодержавия, Народности», творчеству Пушкина напрямую не присущи. Но культура славянских народов, в том числе польского, его всегда интересовала (стоит вспомнить его «Песни

западных славян» или переводы поэм Мицкевича), так же, как и роль России в славянском мире. И когда он пишет о русско-польских отношениях как о «домашнем, старом споре славян между собою» — это не только «самый веский аргумент, который можно противопоставить риторике» европейских либералов, «его, безусловно, раздражающей» [23, с. 98], в чем необходимо согласиться с М.С. и А.С. Белосовыми, но и прямое выражение его собственных убеждений. В одном из писем П.А. Вяземскому Пушкин отмечал: «Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря, мы не можем судить ее по впечатлениям европейским» [26, с. 351]. Здесь вполне прослеживаются те взгляды, которые несколько позже отразятся в стихотворении «Клеветникам России».

В начале оды Пушкин, как известно, обращается к истории того, что принято было называть в России XIX в. «польским вопросом». Он пишет: «Не раз клонила под грозою То их, то наша сторона» [27, с. 222], пробуждая тем самым в исторической памяти российских читателей ключевые события «старого спора» с поляками. Прежде всего современникам поэта должен был вспомниться сюжет об оккупации Москвы польскими войсками во времена Смуты (1610–1612 гг.). В конце последнего тома «Истории...» Карамзина, вышедшего в 1829 г., незадолго до начала польского восстания, весьма эмоционально описывались бесчинства завоевателей в древнем «сердце России» (как называл Москву Пушкин).

Важно понимать, что предыстория «польского вопроса» в сознании поколения Пушкина включала и гораздо более свежие воспоминания времен Отечественной войны 1812 г. Роль поляков в войне России с Наполеоном во многом была обусловлена состоявшимися во времена Екатерины II тремя разделами Польши между Австрией, Пруссией и Россией — в 1772, 1793 и в 1795 гг., в ходе которых некогда мощное государство, называвшееся Речью Посполитой, окончательно утратило свою независимость. Дата первого раздела, 1772 г., впоследствии станет ключевой для польских националистов, и они будут требовать восстановления своего государства именно в границах, существовавших до этого исторического рубежа. Примечательно, что Пушкин еще в 1822 г., в период увлечения либеральными идеями, жестко критикуя политику Екатерины II по отношению к дворянству в заметке «О русской истории XVIII века», написал: «Униженная Швеция и уничтоженная Польша — вот великие права Екатерины на благодарность русского народа» [28, с. 128].

После заключения Тильзитского мира в 1807 г. Наполеон образовал новое польское государство — Герцогство Варшавское, находившееся под протекторатом Франции и включавшее в себя польские земли, ранее принадлежавшие Пруссии и Австрии.

Когда же император Франции начал войну против России, польский сейм объявил о восстановлении Королевства Польского, к которому предполагалось присоединить не только российскую часть Польши, но и значительные территории Малороссии (Украины) и Белоруссии, с преимущественно православным населением. В надежде на то, что Наполеон осуществит эти планы, Польша стала его союзницей. Десятки тысяч польских солдат и офицеров, ранее являвшихся подданными России, влились в Великую армию и вместе с французами принимали участие в новом пожаре и разорении Москвы. Именно эти события были живы в памяти Пушкина и его современников.

После победы над Наполеоном большая часть Герцогства Варшавского оказалась присоединенной к Российской империи под названием Царства Польского. Однако, благодаря пологофильским наклонностям Александра I, данное территориальное образование обрело значительные права и привилегии, недоступные населению великорусских губерний. В 1815 г. Царству Польскому была дарована конституция, право выбирать законодательный орган — сейм — и свое правительство, а также иметь собственную армию. Заметим, значительная часть личного состава этой армии участвовала в войне 1812 г. на стороне французов. Отправляясь на Венский конгресс, император Александр I говорил своему другу, князю Адаму Чарторыйскому: «У Польши три врага: Пруссия, Австрия и Россия, и один друг — это я» [29, с. 266]. Неудивительно, что подобные симпатии царя к побежденной Польше вызывали недоумение и ропот в русском образованном обществе. Впрочем, некоторая часть либерально настроенных дворян — будущих декабристов — надеялась, что Александр использует Царство Польское в качестве своего рода тестовой площадки, а прогрессивные нововведения будут впоследствии распространены на всю территорию России. Крушение этих надежд явилось одним из поводов к созданию тайных обществ.

Примечательно, что представители декабристского движения, являясь сторонниками политической модернизации и демократизации у себя в стране, поддерживавшие подобные устремления польских революционеров в отношении Польши, резко расходились с поляками по национально-территориальному вопросу. Декабристы в свое время опасались, что император Александр пойдет на приращение территории Царства Польского за счет присоединения к нему губерний с населением, идентифицировавшим себя в качестве русского и православного. Когда же, несмотря на имеющуюся достаточно широкую автономию, в Польше началось очередное восстание 17 ноября 1830 г., бывшие участники тайных обществ восприняли его как захватническую и несправедливую войну против России. Близкий при-

ватель Пушкина, декабрист А.А. Бестужев, разжалованный в солдаты и находившийся в то время в Дербенте, 5 января 1831 г. писал матери: «...я был чрезвычайно огорчен и раздосадован известием об измене Варшавской. Как жаль, что мне не придется променять пулю с панями добродзеями... Одно только замечу, что поляки никогда не будут искренними друзьями русских... Как волка ни корми...» (цит. по: [1]).

Восставшие провозгласили целью не только независимость территории Царства Польского, но и восстановление «Великой Польши» в границах 1772 г., что означало отторжение от Российской империи Украины и Белоруссии. Многие участники войны 1812 г. с возмущением отзывались об этих польских планах, считая их лишенными какой-либо исторической и правовой почвы. Так, друг Пушкина П.Я. Чаадаев откликнулся на известия о намерениях поляков заметкой «Несколько слов о польском вопросе», в которой утверждал: «Расчленив Россию, отторгая от нее силой оружия западные губернии, оставшиеся русскими по своему национальному чувству, было бы безумием. Сохранение же их составляет для России жизненный вопрос» [30, с. 514–515]. Эти слова абсолютно перекликаются с пушкинскими строками из «Клеветникам России»: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? Вот вопрос» [27, с. 222]. В данной связи понятной становится и высокая оценка Чаадаевым стихотворения в целом. Чаадаев высказал ее Пушкину в личном письме из Москвы 18 сентября 1831 г.: «Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали свое призвание... Особенно изумительны стихи к врагам России... В них мыслей больше, чем было сказано и создано у нас в целый век» (цит. по: [16, с. 198]). Примечательно, что к этому времени из-под пера Чаадаева уже вышли, хотя и оставались пока неопубликованными, известные «Философические письма», в которых автор выразил крайне пессимистический взгляд на роль России в мире, на ее прошлое и будущее.

Пушкин очень живо интересовался ходом дел в Польше. Вернувшись в Москву после знаменитой болдинской осени, он писал Э.М. Хитрово: «Известие о Польском восстании меня совершенно перевернуло. Наши исконные враги, очевидно, будут в конце истреблены и, таким образом, ничто из того, что сделал Александр, не сохранится, потому что... не основано на действительных нуждах России, а лишь на соображениях личного тщеславия, театральном эффекте и т.д.» [31, с. 68–69]. С одной стороны, эти строки подтверждают, что Пушкин расценивал польское восстание как внутреннее дело России, как посягательство на ее территориальную целостность. С другой стороны, по мнению Г.С. Зобина, великий поэт «всегда держал руку на пульсе политической

жизни Европы» [18, с. 252]. «Клеветниками России» он называл не бунтующих поляков, а французских парламентариев, для которых в этот период обычной стала антирусская риторика. Депутаты парламента Франции характеризовали восстание в Царстве Польском как событие международное, а самих повстанцев — как представителей общеевропейского движения за права и свободы. Больше всего усилий, по словам М.С. и А.С. Белоусовых, прикладывала либеральная оппозиция, подчеркивавшая особую «роль Польши в европейской истории как оплота против России» [23, с. 100]. Пушкин понимал, что французскими депутатами движет не сочувствие Польше и не отстаивание европейских либеральных ценностей, а давно вызревающая враждебность к России: «Оставьте нас: вы не читали Си кровавые скрижали... И ненавидите вы нас» [27, с. 222].

Стихотворение заметно повлияло на литературную репутацию Пушкина, поскольку далеко не все, в том числе из ближайших друзей поэта, разделяли его взгляды. Публикация стихов спровоцировала обвинения в «казенном патриотизме», в заигрывании с властью и даже в стремлении к личной выгоде. Например, А.И. Тургенев, человек, когда-то помогавший Пушкину с определением в Лицей, в письме к брату, декабристу Н.И. Тургеневу, связывал верноподданнические стихи поэта с его недавним назначением придворным историографом «с хорошим окладом» [32, с. 391].

Впрочем, А.И. Тургенев занимал по данному вопросу не настолько жесткую позицию, как П.А. Вяземский. Мнение последнего известно нам по его переписке и записям в дневнике. Вяземский хорошо знал ситуацию в Польше, поскольку служил в Варшаве в 1818–1821 гг. Восстание поляков он не поддерживал, но был убежден, что Польша не стала и не сможет стать подлинной частью России, и что для самой России лучше было бы от нее избавиться: «Есть одно средство: бросить Царство Польское, как даем мы отпускную негодяю, которого ни держать у себя не можем, ни поставить в рекруты... Какая выгода России быть внутренней стражей Польши? Гораздо лучше при случае иметь ее явным врагом» [33]. Вяземский упрекал Пушкина, а также Жуковского, чье стихотворение «Старая песня на новый лад», тоже проникнутое государственно-патриотическим пафосом, было опубликовано вместе с пушкинскими стихами. Произведения обоих поэтов Вяземский назвал «шинельными», хотя к Жуковскому относился более снисходительно:

«Я уверен, что в стихах Жуковского нет царедворческого побуждения, — тут просто русское невежество» [33]. То, что Вяземский считал «невежеством», Жуковским осознавалось как искренний порыв «живого чувства» любви к Отечеству и желания воспеть ему славу [34, с. 41–42].

Однако показательна эволюция взглядов самого П.А. Вяземского. Четверть века спустя после упомянутых здесь польских событий, в период Крымской кампании, находясь в Европе, он издал брошюру «Письма русского ветерана 1812 г.» и сборник стихов под названием «К ружью». Обе публикации были вызваны поразившей его пропагандой против России, настоящей «информационной войной», развернутой в европейской прессе. Таким образом, Вяземский сам совершил переход к тому мировоззрению, которое он назвал, характеризуя политические взгляды зрелого Пушкина, «свободным консерватизмом». Отметим, что поэтические отповеди «клеветникам» или «врагам» России, вслед за Пушкиным, создавали М.Ю. Лермонтов, В.Г. Бенедиктов и другие русские литераторы.

Итак, взгляды Пушкина на восстание в Польше 1830–1831 гг. соответствовали оформившимся к этому времени у поэта политическим убеждениям, которые могут быть охарактеризованы как «национально-патриотическое настроение» и «государственное сознание» (С.Л. Франк). Для Пушкина «польский вопрос» являлся исключительно внутренним делом России, вопросом сохранения ее территориальной целостности. Повстанцы же воспринимались как изменники, неоднократно нарушившие закон и договор. Эти обстоятельства для поэта были важнее, чем общеевропейские тенденции формирования национальных государств и самоопределения народов, выдвигавшиеся на первый план французскими парламентариями, а также отдельными оппозиционно настроенными представителями русской интеллигенции. Но, несмотря на то, что Пушкин разошелся в политических оценках с некоторыми людьми своего круга, он не разошелся с ними лично, — и Вяземский, и Тургенев оставались друзьями поэта до конца его жизни. Более того, Вяземский впоследствии проделал ту же мировоззренческую эволюцию, что и Пушкин. А стихотворение «Клеветникам России» стало литературным прецедентом, вызвавшим появление множества подобных текстов в схожих конкретно-исторических условиях.

Библиографический список

1. Тыркова-Вильямс А.В. Жизнь Пушкина. Т. 2. 1824–1837. М., 2004. URL: <https://www.libfox.ru/139693-ariadna-tyrkova-vilyams-zhizn-pushkina-tom-2-1824-1837.html>.
2. Анненков П.В. Общественные идеалы А.С. Пушкина. Из последних лет жизни поэта // Вестник Европы. 1880. № 6.
3. Пыпин А.Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 2.
4. Щеголев П.Е. Пушкин. Очерки. СПб., 1912.
5. Томашевский Б.В. Французские дела 1830–1831 гг. по письмам Пушкина к Е.М. Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832. Л., 1927.
6. Благой Д.Д. Душа в заветной лире. Очерки жизни и творчества Пушкина. М., 1979.
7. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1981.
8. Эйдельман Н.Я. Пушкин. Из биографии и творчества. 1826–1830. М., 1987.
9. Францев В.А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. Опыт исторического комментария к стихотворениям: «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» // Пушкинский сборник. Прага, 1929.
10. Франк С.Л. Этюды о Пушкине. Мюнхен, 1957.
11. Setschkareff V. Alexander Puschkin. Sein Leben und sein Werk. Wiesbaden, 1963.
12. Vickery W. Alexander Pushkin. New York, 1970.
13. Bayley J. Pushkin. A Comparative Commentary. Cambridge, 1971.
14. Toporowski M. Puszkin w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki. Warszawa, 1950.
15. Виролайнен М.Н. Русский романтизм в проекции на европейскую романтическую литературу // Мир русского слова. 2015. № 4.
16. Муравьева О.С. «Вражды бессмысленной позор...» (Ода «Клеветникам России» в оценках современников) // Новый мир. 1994. № 6.
17. Муравьева О.С. Клеветникам России («О чем шумите вы, народные витии?...») // Пушкинская энциклопедия. СПб., 2012. Вып. 2.
18. Зобин Г.С. «...Спор славян между собою». Польские события 1831 г. глазами участников войны с Наполеоном // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XXI Международной научной конференции. М., 2018.
19. Зорин А.Л. К вопросу о мировоззрении А.С. Пушкина // Наследие веков. 2019. № 2. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Zorin.pdf.
20. Краюшкина Н.Н. «На взятие Варшавы». К вопросу о литературной репутации Пушкина в 1830-е годы // Вестник Адыгейского гуманитарного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2010. № 1.
21. Орехов В.В. «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2019. Т. 5 (71). №3.
22. Шульгин В.Н. А.С. Пушкин как духовный наследник Н. М. Карамзина и предтеча славянофилов // Вестник РГУ им. И. Канта. Калининград, 2009. Вып. 1.
23. Белоусов М.С., Белоусов А.С. Ода А.С. Пушкина «Клеветникам России» в контексте французской прессы // Русская литература. 2021. №4.
24. Достоевский Ф.М. Пушкин // Русская идея. М., 1992.
25. Франк С.Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М., 1990.
26. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. X. М., 1958.
27. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. III. М., 1957.
28. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. VIII. М., 1958.
29. Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1898.
30. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1.
31. Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832. Л., 1927.
32. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина : в 4 т. Т. 3. М., 1999.
33. Вяземский П.А. Старая записная книжка // Собрание сочинений П.А. Вяземского в 12-и т. Т. IX. СПб., 1884. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0070.shtml?ysclid=l5q0iqj0i863766107.
34. Жуковский В.А.. Из дневников 1827—1840 гг. // Наше наследие. 1994. №32.